

Минц Белла Александровна

**ДВЕ РЕДАКЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА ОБ ИСААКИЕВСКОМ СОБОРЕ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ**

В статье рассматриваются некоторые текстологические проблемы, связанные со стихотворением О. Э. Мандельштама об Исаакиевском соборе, в частности, проблемы датировки, соотношение двух редакций стихотворения, история их создания. Автор акцентирует внимание на разночтениях в текстологических комментариях, проводит их критический анализ и выдвигает свою гипотезу. В статье затронута и проблема многовариантности как специфической черты поэтики Мандельштама.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 132-136. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161

Филологические науки

В статье рассматриваются некоторые текстологические проблемы, связанные со стихотворением О. Э. Мандельштама об Исаакиевском соборе, в частности, проблемы датировки, соотношение двух редакций стихотворения, история их создания. Автор акцентирует внимание на разночтениях в текстологических комментариях, проводит их критический анализ и выдвигает свою гипотезу. В статье затронута и проблема многовариантности как специфической черты поэтики Мандельштама.

Ключевые слова и фразы: текстология; аутентичная редакция; многовариантность; разночтения; датировка; автограф.

Мицц Белла Александровна, к. филол. н., доцент

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

bella-mints 7@yandex.ru

**ДВЕ РЕДАКЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА
ОБ ИСААКИЕВСКОМ СОБОРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ[©]**

Стихотворение «Люблю под сводами седья тишины...» (1921-1922 гг.) имеет разный статус в современных изданиях Мандельштама. А. Г. Мец исключает его из основного собрания на том основании, что оно не вошло в прижизненные поэтические сборники [18, с. 301]. Издатели двухтомника и четырёхтомника замыкают им раздел «Tristia» [23, с. 137] и основной корпус стихов 1906-1921 годов [20, с. 154], акцентируя его пограничную природу. Трудно переоценить значимость этого стихотворения, которое в ретроспективе действительно выглядит как некая граница двух этапов творческого пути поэта и как своеобразное прощание с прошлым и встреча будущего. В этом смысле оно приобретает даже некий оттенок ритуальности. Е. Тоддес, наиболее детально проанализировавший «хлебную» метафорику стихотворения и место в поэтической идеологии Мандельштама, причисляет «Люблю под сводами седья тишины...» к ряду текстов, «наиболее значительных в масштабе всей его поэзии» [33, с. 38]. Омри Ронен видит в нём последнее мандельштамовское стихотворение, в котором христианские образы используются непосредственно в религиозном смысле [36, р. 31]. Всё это побуждает нас обратиться к некоторым вопросам текстологии стихотворения, чтобы в перспективе провести сравнительный анализ его авторских версий и дополнить наблюдения исследователей.

Существует две редакции стихотворения, отличающиеся первыми пятью строками. Проблема в том, считать ли, что только одна из них аутентичная, как это принято во всех авторитетных изданиях, или какое-то время они были равноправными, и мы имеем дело с несостоявшейся «двойчаткой». О своеобразных лирических единствах, выросших «на одном корню» [16, с. 234], то есть двойчатках и тройчатках, написано много [2; 6; 7; 8; 9; 11; 24], однако это явление, как и процесс авторской группировки лирических текстов, нуждается в системном изучении. Обычай поэта не только сохранять различные версии текста или «отпочкования» от основного черного массива, но иногда сознательно сопрягать их в лирическое единство имеет свой генезис и свою историю. Каждый случай, даже промежуточный, неочевидный, спорный, достоин специального исследования. В период 1916-1925 гг. наряду с такими образцами двойчаток, как «Соломинка» (1916 г.), «Сеновал» (1921 г.) [7; 8; 32], появлялись стихотворения-спутники: к «Ласточке» («Я слово позабыл, что я хотел сказать...») – «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» (позднее оба войдут в цикл «Летейские стихи» вместе со стихотворением «Возьми на радость из моих ладоней...»); к «1 января 1924» – «Вариант» («Нет, никогда ничей я не был современник...»); к стиху «За то, что я руки твои не сумел удержать...» – «Когда ты уходишь и тело лишится души...» и, возможно, «Когда городская выходит на стогны луна...». М. Л. Гаспаров называл стихотворение «Когда ты уходишь и тело лишится души...» «отброшенным ключом» [6], но это лишь одна из функций подобных разветвлений. На фоне сложных процессов поэтической эволюции разнообразные формы внутренних связей и сопряжений играют значительную роль. Они демонстрируют не только индивидуальные особенности Мандельштама-поэта, но и разные фазы его творческого самосознания и отношения к сохранению вариантов и редакций. Анализ соотношений родственных текстов вводит в особое измерение мандельштамовской лирики. Речь идёт о синтагматическом творческом «поле» и о «локальном моделировании» [30, с. 354-355] связей, по терминологии Д. М. Сегала, позволяющем сделать интерпретацию более полной и полифонической.

На первый взгляд, случай со стихотворением об Исаакии тривиален: есть основная редакция, и есть отброшенная. Пристальное изучение показывает, что это не бесспорный вывод. Г. А. Левинтон по конкретному поводу в 1998 году назвал текстологию Мандельштама «хаотичной» [13, с. 733]. Мы скажем иначе: текстология Мандельштама создаёт значительную зону неопределённости по объективным (судьба поэта и его архива) и субъективным причинам (разные стратегии текстологов). Критический взгляд на варианты решения, как нам представляется, весьма полезен и может помочь приблизиться и к замыслу поэта, и к пониманию природы внутренних структурных связей в его лирике.

Впервые стихотворение появилось в сменовеховской газете «Накануне» в номере от 29 мая 1922 года в таком виде, без деления на строфы:

*Люблю под сводами седья тишины
Молебнов, панихид блужданье,
И трогательный чин, ему же все должны –
У Исаака отпеванье.
Люблю священника неторопливый шаг,
Широкий вынос плащаницы,
И в ветхом неводе Генисаретский мрак
Великопостных седмицы.
Ветхозаветный дым на тёплых алтарях
И иерея голос сирий,
Смирненник царственный, – снег чистый на плечах,
И одичалые порфиры.
Соборы вечные Софии и Петра,
Амбары воздуха и света,
Зернохранилища вселенского добра
И риги нового завета.
Не к вам влечётся дух в години тяжких бед,
Сюда влачится по ступеням,
Широкопасмурным, несчастья волчий след
Ему ж вовеки не изменим:
Зане свободен раб, преодолевший страх.
И сохранилось свыше меры
В прохладных житницах, в глубоких закромах
Зерно глубокой, полной веры [25, с. 1]. (Курсив наш – Б. М.)*

Это была уже вторая редакция с изменённым началом. В июле-августе 1922 г. в том же Берлине выходит в свет книга «Tristia» (дата на обложке – 1921 г.), сформированная без ведома и участия автора. Экземпляр с соответствующей авторской надписью хранится в Государственном литературном музее [27, с. 298-299]. Стихотворение об Исаакии с датой <1921> замыкало книгу и начиналось другими пятью строчками:

*Исакий под фатой молочной белизны
Стоит седюю голубятней,
И посох бередит седья тишины
И чин воздушный, сердцу внятней.
Столетних панихид блуждающий призрак [23, с. 74-75]... (Курсив наш – Б. М.)*

Договор об издании книги был заключён 5 ноября 1920 г. [29, ед. хр. 1, л. 8 об.]. А. Г. Мец полагает, что в связи с поездкой на Кавказ в начале лета 1921 г. Мандельштам «в дальнейшем принимать участие в подготовке книги не мог» [18, с. 549]. В России уже набранный сборник был запрещен цензурой, по всей видимости, в конце 1921 года, и вышел только после переселения издательства «Petropolis» в Берлин [Там же]. Как и когда это стихотворение оказалось у издателей, сказать трудно. Возможно, это произошло до отъезда поэта из Петрограда, возможно, в одну из поездок из Москвы в Питер. А. А. Морозов предполагал, что отъезд из Питера состоялся «сразу по подавлении 18 марта кронштадтского мятежа» [17, с. 645]. В письме к В. Я. Хазиной, написанном в мае или начале июня 1921 г. и содержащем информацию относительно хлопот о литовском подданстве, поэт пишет: «Я съездил без Нади в Петербург» [21, с. 27]. Не исключено, что в эту или другую поездку Мандельштам хлопотал и по делам издания книги.

В определении начальной даты первой редакции имеются разночтения: Н. Я. Мандельштам, например, относит «Исаакий» к январю 1921 [17, с. 64]. Между тем это стихотворение принято «привязывать» к панихиде по Пушкину [31, с. 35], инициированной Мандельштамом и состоявшейся в Исаакиевском соборе 10 [26, с. 122], 11 [19, с. 883] или 14 февраля 1921 [17, с. 646]. Комментаторы двухтомника считают, что первая редакция стихотворения была создана весной 1921 года [22, с. 492]. Кстати, она появилась в 1923 г. и на страницах другого берлинского сборника в составе характерной подборки вместе со стихотворениями «Сумерки свободы» (1918 г.) и «На страшной высоте блуждающий огонь...» (1918 г.) [10, с. 70].

Вернулся поэт из поездки по югу в марте 1922 года [15, с. 125; 19, с. 883]. Когда текст стихотворения с переделанным началом («Люблю под сводами седья тишины...») оказался у находящихся в Москве сотрудников «Литературного приложения» к берлинской газете «Накануне», мы не знаем. В датировке этой редакции также есть разночтения. П. М. Нерлер и А. Д. Михайлов указывают на апрель-май 1922 года как на дату переработки стихотворения. Г. А. Левинтон предполагает, что вторая редакция могла быть написана заново весной 1922 года и на такой хронологии строит важную гипотезу относительно подтекста стихотворения [14, с. 36]. Между весной 1921 г. и весной 1922 г., а точнее, в августе 1921 г., случились важнейшие события: смерть Блока и гибель Гумилёва. Именно известие о расстреле Гумилёва, по мнению Г. А. Левинтона, инициировало создание второй редакции стихотворения.

В РГАЛИ хранится автограф второй редакции («Люблю под сводами седья тишины...») [29, ед. хр. 1, л. 6], в целом соответствующий публикации в газете «Накануне», если не считать пунктуацию, более последовательное

использование автором падежных форм, стилизующих язык богослужения («вселенскаго», «новаго»), написание прилагательного «генисаретский» со строчной буквы и деление на строфы. Даты на листе с этим автографом нет, но в описании документа в электронной версии дата указана – 29 марта 1921 года [5], что противоречит версии о датировке этой редакции 1922 годом. Неопределённость остаётся, ибо неясно, переработал ли поэт одну из редакций, написанных весной 1921 года, или написал первые пять строк заново в 1922 году.

В вопросе об отношении автора к первой редакции много неясного. С одной стороны, комментаторы указывают на экземпляр «Tristia», где приведённые выше строки зачёркнуты поэтом и «сделана помета: “Искажено. О. М.” (новые варианты не вписаны)» [22, с. 453]. С другой стороны, существует запись голоса Мандельштама, читающего стихотворение именно в первой редакции. Запись была произведена Сергеем Игнатьевичем Бернштейном в Институте живого слова. В связи с этим возникает вопрос, когда она была сделана. По сведениям Г. А. Шатаевой, «в разделе выставки, посвящённом научно-исследовательской работе ИЖС, отмечен результат работы его отофонетической лаборатории – запись 3450 стихов М. Кузмина, А. Блока, Н. Гумилева, В. Пяста, А. Ахматовой, А. Белого, О. Мандельштама и др.» [34, с. 7]. Дата выставки – 23 апреля 1921 г. П. Крючков предполагает, что год записи – 1922 [12, с. 195]. В Государственном литературном музее хранятся «записи авторского чтения О. М. десяти стих., сделанные на восковых валиках проф. Института истории искусств С. И. Бернштейном в 1920-е годы» [27, с. 291]. Среди них и «Исакий под фатой молочной белизны...» [28]. Известно, что голос Мандельштама записывали дважды: первый раз – в ноябре 1920 г. [4, с. 3], или в 1922 [12, с. 195], а второй раз – в 1925 году [16, с. 331]. В 1920 году стихотворение ещё не было написано. Следовательно, остаётся два варианта из упомянутых мемуаристами и исследователями: 1922 г. и 1925 г. Не исключено, что ранняя редакция сосуществовала с поздней в поэтическом хозяйстве автора.

Е. А. Тоддес в давней статье высказывает осторожную догадку о причине замены первой редакции («Исакий под фатой молочной белизны...») на вторую («Люблю под сводами седья тишины...»): «Трудно удержаться от предположения о том, что толчком к этому бросающемуся в глаза изменению могла быть компания властей по изъятию церковных ценностей» [33, с. 39]. Следует при этом помнить, что Е. А. Тоддес исходит из своего понимания логики внутренней биографии поэта, то есть динамического комплекса идей и ценностей. Согласно исследовательской концепции, тот синтез революционных и христианских идей, который имел место в начальные годы советской власти в сознании Мандельштама, претерпевал изменения в зависимости от конкретных действий этой власти. По мнению Е. А. Тоддеса, обе редакции написаны в 1921 году. Даты не уточняются, поэтому вопрос о конкретных событиях и детальной хронологии не ставится.

Вновь Мандельштам вспомнит об Исаакии в связи со смертью Ольги Ваксель в стихотворении «На мёртвых ресницах Исакий замёрз» (1935 г.) [14, с. 35]. Среди ключевых мотивов ранней лирики, синтезированных в этом позднем стихе, зимний Исаакий играет роль сакрального петербургского локуса, оваянного не только религиозно-философским ореолом, но и глубоко личными ассоциациями. Опять он связан с темой смерти: со всей очевидностью – смерти женщины, но имплицитно, возможно, и смерти поэта. Г. А. Левинтон предполагает, что обе темы соединились в сознании Мандельштама с памятью о Гумилёве и его «Заблудившемся трамвае»: «Разумеется, такая ассоциация “Исаакий – погребение” напрашивается на сопоставление с “Заблудившимся трамваем” Гумилёва: “Верной твердынею православья / Врезан Исакий в вышине, / Там отслужу молебен о здравье / Машеньки и панихиду по мне”» (*Курсив Г. Левинтона*) [Там же]. Что касается интересующего нас текста, то Г. А. Левинтон даёт своё объяснение отказу от первой редакции. Базируясь на убеждении, что ранняя редакция («Исакий под фатой молочной белизны...») была заменена на позднюю («Люблю под сводами седья тишины...») в 1922 году, он видит причину именно в гумилёвском подтексте: «Вполне возможно, что первая его редакция была написана до “Трамвая” или, во всяком случае, без его влияния, но переделка в начале 1922 г. для републикации в *Накануне* обнаруживает явную связь со стихотворением Гумилева. Переработка коснулась только первых пяти строк, при этом исчезло название *Исакий*, в общем для цитаты не показательное, но существенно усилилась “погребальная” атмосфера: “Воздушный чин” конкретизировался как “Исаака *отпеванье*”, а *панихиды* из пятой строки перешли во вторую, оказавшись рядом с *молебнами* (“*Молебнов, панихид блужданье*”). Это соседство явно указывает на сюжет гумилевской строфы с ее инверсией: *молебен о здравье* покойной возлюбленной и *панихида по мне*. Таким образом, именно эта переделка знаменует рубеж в мандельштамовской трактовке Исаакия, с этого времени — т.е., видимо, со смерти Гумилева — Исаакий выступает только в погребальных контекстах, хотя бы ранее эта ассоциация и не была связана с Гумилевым» (*Курсив Г. А. Левинтона*) [Там же, с. 36].

Гипотеза убедительна в своей логической части, но неопределённость в датировках делает её не бесспорной. Если развить эту гипотезу, то стихотворение «Исакий под фатой молочной белизны...» могло быть вдохновлено панихидой по Пушкину, а «Люблю под сводами седья тишины...» включает в свой подтекст ещё и смерть Блока и Гумилёва. Синтез этих линий с акцентированием событий августа 1921 г. порождает вариант авторского мифа о Смерти поэта [31, с. 33-36]. Версия же сосуществования двух редакций усложняет смысловой рисунок того условного единства, которое они составляют.

Данные, которыми мы располагаем, несмотря на свою неполноту и противоречивость, позволяют всё же выдвинуть осторожную гипотезу о том, что обе редакции сосуществовали в творческом сознании Мандельштама, хотя он и отверг одну из них при критическом чтении берлинского издания «Tristia». Некоторые исследователи без всяких оговорок делают именно отброшенную редакцию («Исакий под фатой молочной белизны...») предметом анализа или интерпретации [1, с. 113; 35, р. 125-129]. Это косвенно подтверждает нашу гипотезу, или, по крайней мере, говорит о равноценности обеих версий в восприятии исследователей. Многовариантность или вариативность поэтики Мандельштама с годами кристаллизовалась. Сошлёмся на

авторитетное мнение С. И. Богатырёвой, которая имеет самое прямое отношение к хранению архива поэта и к манделъштамовской текстологии: «Осип Манделъштам – один из самых многовариантных поэтов в истории русской словесности: тому свидетельство его “двойчатки” и “тройчатки” и то, что он сам читал свои стихи в разных редакциях. Многовариантность – часть его поэтики, принципиальное открытие Манделъштама. Он возвёл в закон право черновика на самостоятельную жизнь – новшество революционного масштаба. Он закрепил право поэта не ограничивать работу воображения одним единственным вариантом, право идти по разным дорогам, возвращаясь к исходной точке, строить различные здания из одних и тех же кирпичей – независимо существующие стихотворения, в которых повторяются слова, строки, целые строфы» [3, с. 375]. История двух редакций стихотворения об Исаакиевском соборе, как нам представляется, иллюстрирует многовариантность лирики Манделъштама, хотя и не столь очевидно, как другие двойчатки. В следующей статье мы планируем провести сравнительный анализ обеих редакций.

Список литературы

1. Амелин Г. Г., Мордерер В. Я. Миры и столкновения Осипа Манделъштама М. – СПб.: Языки русской культуры, 2000. 320 с.
2. Бельская Л. Об одной «тройчатке» Осипа Манделъштама: семантический анализ // *Studia Metrica et Poetica*: памяти П. А. Руднева. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. С. 148-157.
3. Богатырёва С. И. Воля поэта и своеволие его вдовы. Проблемы текстологии позднего Манделъштама // «Отдай меня, Воронеж...»: III международные Манделъштамовские чтения: сб. статей. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. С. 360-376.
4. Богатырёва С. И. Мой первый самиздат [Электронный ресурс]. URL: http://pomnirossiu.ru/upload/file/Jurnal/Vremya_i_Mesto/13-BOGATYREVA.pdf (дата обращения: 02. 04. 2013).
5. Воссоединённый виртуальный архив Осипа Манделъштама [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mandelstam-world.org/viewdocs.php?lan=rus&num=45&archive=2> (дата обращения: 11.04.13).
6. Гаспаров М. Л. «За то, что я руки твои...» – стихотворение с отброшенным ключом // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 212-221.
7. Гаспаров М. Л. «Сеновал» О. Манделъштама: история текста и история смысла // Тыняновский сборник. Москва: ОГИ, 2002. Вып. 11. IX Тыняновские чтения: исследования и материалы. С. 376-390.
8. Гаспаров М. Л. «Соломинка» Манделъштама (поэтика черновика) // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 185-198.
9. Гутрина Л. Д. Стихотворные гнезда в поэзии О. Э. Манделъштама 1930-х годов: к проблеме становления нового типа поэтической образности: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 247 с.
10. Из новых поэтов. Берлин: Мысль, 1923. 127 с.
11. Козлов В. И. «Двойчатки» Манделъштама и поэтика изустности // Литература в диалоге культур-6: материалы международной научной конференции. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2008. С. 100-102.
12. Крючков П. Звучащие альманахи (Осип Манделъштам) // Новый мир. 2005. № 10. С. 194-198.
13. Левинтон Г. А. Город как подтекст (Из «реального» комментария к Манделъштаму) // *ПОЛЮТРОПОН*: к 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 730-795.
14. Левинтон Г. А. Манделъштам и Гумилёв. Предварительные заметки // Столетие Манделъштама. *Mandelstam Centenary Conference. Tenaflly*. Эрмитаж, 1994. С. 30-44.
15. Лекманов О. А. Осип Манделъштам: жизнь поэта. Изд-е 3-е, доп. и перераб. М.: Молодая гвардия, 2009. 357 с.
16. Манделъштам Н. Я. Воспоминания. М.: Согласие, 1999. 552 с.
17. Манделъштам Н. Я. Вторая книга. М.: Согласие, 1999. 750 с.
18. Манделъштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: в 3-х т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Мец. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. 808 с.
19. Манделъштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: в 3-х т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Мец. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 3. 944 с.
20. Манделъштам О. Э. Собр. соч.: в 4-х т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 1. / сост. П. Нерлера, А. Никитаева. 369 с.
21. Манделъштам О. Э. Собр. соч.: в 4-х т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1999. Т. 4. / сост. С. Василенко, П. Нерлера, А. Никитаева, Ю. Фрейдина. 607 с.
22. Манделъштам О. Э. Соч.: в 2-х т. / сост. П. М. Нерлера; подг. текста и коммент. А. Д. Михайлова и П. М. Нерлера. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. 638 с.
23. Манделъштам О. Э. *Tristia*. Пб.: Берлин: *Petropolis*, 1922. 75 с.
24. Минц Б. А. «Двойчатки» Осипа Манделъштама как поэтическая форма // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI века: сб. науч. тр. Саратов: Научная книга, 2008. Вып. II. С. 208-214.
25. Накануне: литературное приложение к № 51. Берлин, 1922. 29 мая (воскресенье). № 5.
26. Осип и Надежда Манделъштам в рассказах современников. М.: Наталис, 2001. 544 с.
27. Осип Манделъштам, его предшественники и современники. М.: Изд-во РГГУ, 2007. 305 с.
28. Осип Манделъштам. Звучащий альманах. Из выступлений на вечерах в Колонном зале, ЦДЛ, ИМЛИ в дни празднования 100-летия поэта (1991). Читает Осип Манделъштам (фонографическая запись) [Электронный ресурс]. М.: Гос. лит. музей, 2003.
29. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1893. Оп. 1.
30. Сегал Д. М. Литература как охранный грамота. М.: Водолей Publishers, 2006. 976 с.
31. Сурач И. З. Манделъштам и Пушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 384 с.
32. Тарановский К. Ф. Сеновал. О замкнутой и открытой интерпретации поэтического текста // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 39-77.
33. Тоддес Е. А. Поэтическая идеология // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 30-44.
34. Шатаева Г. А. Институт живого слова. URL: http://www.institute-spb.standardsite.ru/userdata/files/06-14_Shataeva.pdf (дата обращения: 02.04.2013).
35. Goldberg St. *Mandelstam, Blok and the boundaries of Mythopoetic Symbolism*. Columbus (Ohio): Ohio State UP, 1971. 305 p.
36. Ronen O. *An Approach to Mandel'stam*. Jerusalem: the Magnes Press; the Hebrew University, 1983. 396 p.

**TWO EDITIONS OF O. E. MANDELSTAM'S POEM ABOUT ST. ISAAC'S CATHEDRAL:
TEXTUAL CRITICISM PROBLEMS**

Mints Bella Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Saratov State University named after N. G. Chernyshevskii
bella-mints 7@yandex.ru

The author considers some textual problems associated with the poem about St. Isaac's Cathedral by O. E. Mandelstam, in particular, the problems of dating, the correlation between two editions of the poem, the history of their creation, emphasizes alternative versions in textological commentaries, conducts their critical analysis, puts forward her own hypothesis, and touches upon the problem of multi-variations as a specific feature of Mandelstam's poetics.

Key words and phrases: textual criticism; authentic edition; multi-variations; alternative versions; dating; autograph.

УДК 372. 881.111.1

Педагогические науки

В статье раскрывается роль самостоятельной работы в формировании учебно-познавательной компетенции студентов неязыковых вузов как одной из ключевых образовательных компетенций будущего специалиста в процессе изучения иностранного языка. Представлены различные виды самостоятельной работы по иностранному языку, приведены примеры из опыта, накопленного в Национальном исследовательском Томском политехническом университете.

Ключевые слова и фразы: самостоятельная работа студентов; виды самостоятельной работы; компетентностный подход; учебно-познавательная компетенция.

Миронова Вероника Евгеньевна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Veronicka84@yandex.ru

**РОЛЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ В ФОРМИРОВАНИИ
УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ (ИЗ ОПЫТА НАЦИОНАЛЬНОГО
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ТОМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)®**

Проблема рациональной организации процесса обучения иностранному языку в неязыковом вузе всегда представляла интерес для ученых и преподавателей. Современная система высшего образования характеризуется качественно новым подходом к обучению студентов, к формированию личности будущего специалиста. Потребность выпускников вузов в практическом владении иностранным языком значительно возросла, что связано, в первую очередь, с расширением международных контактов, в том числе с англоговорящими странами, развитием экономики, созданием совместных компаний и предприятий, обменом информацией и специалистами, разработкой и внедрением нововведений в науке и технике. В современном мире требуются активные и компетентные специалисты, готовые к постоянному саморазвитию и самообразованию, способные не только применять имеющиеся знания, но и самостоятельно получать и перерабатывать новую информацию, принимать решения. В последние десятилетия происходит резкая переориентация оценки результатов образования с понятий «подготовленность», «образованность», «общая культура», «воспитанность» на понятия «компетенция», «компетентность», звучит призыв организовывать образовательный процесс на основе компетентностного подхода [3, с. 9]. Возникает вопрос о том, что представляет собой данный подход. Компетентностный подход включает в себя две основные категории – компетентность и компетенция. «Компетентность основывается на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленном опыте социально-профессиональной жизнедеятельности человека. Она по объему и содержанию шире и включает компетенции как составляющие. Компетенция используется в конкретной заданной ситуации и содержит соответствующие знания, умения и навыки, отражающие специфику социальной или профессиональной деятельности. Компетенция – аспект компетентности в целом, ее составляющая часть» [2, с. 89].

Для достижения успеха в образовании студентам необходимо развивать образовательные компетенции. Образовательная компетенция — требование к образовательной подготовке, выраженное совокупностью взаимосвязанных смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности ученика по отношению к определенному кругу объектов реальной действительности, необходимых для осуществления личностно и социально значимой продуктивной деятельности [3, с. 41]. Поскольку содержание образования разделяется на общее метапредметное (для всех предметов в школе и дисциплин в вузе в целом), межпредметное